

Виталий Железный

К вопросу о специфике печенежских и узских погребений Пруто-Днестровского региона

Keywords: late nomads, the Pechenegs, the Torks, the Uzes, the Oghuz, funeral rite, graves with horse, graves with the skin of a horse.

Cuvinte cheie: nomazii târzii, pecenegi, torci, uzi, oguzi, ritual funeral, morminte cu cal, morminte cu piele de cal.

Ключевые слова: поздние кочевники, печенеги, торки, узы, огузы, погребальный обряд, погребения с конем, погребения со шкурой коня.

Vitalii Jeleznii

On the problem of specifics of Uzes and Pechenegs burials in the Prut-Dniester region

In our article, we have studied the burials of the Pecheneg-Uz peoples with the remains of horse (9th-14th centuries) on the territory of the Prut-Dniestr region. 83 graves were analyzed. Attempt was made to emphasize the features of Pecheneg and Uzian (Turk, Oghuz) burial rites. It is generally accepted that Uzes placed the remains of the horse over the person. However, the Pechenegs placed them near the person, at the same level. Based on this feature, the Pecheneg type of graves in the Prut-Dniestr region is more common, while the Uz type is rarer. During the research, it was found that the type of horse remains is also a good ethnic and cultural marker. The Pechenegs buried their deceased with the skull of a horse or with a folded skin of a horse. The Uzes buried the dead with a stretched skin. In this way, the rite of the Pechenegs and Uzes is similar. This stems from their kindred origin, which is confirmed by written sources. They contain information that the Pechenegs were Oguz tribes. It is suggested that the placement of horse remains upright in relation to the deceased is due to the penetration of Islam among the nomads. In the Prut-Dniester region, such burials are mainly spread in the Golden Horde period. It turned out that graves of Pechenegs existed in the Prut-Dniester region in the 10th-11th centuries. The graves of the Uzes are typical for the whole period of 10th-14th centuries. By comparing the burials of the Pecheneg-Uzian peoples of various regions of the Eastern Europe in 10th-11th centuries, we can conclude that the social stratification on the Prut-Dniestr territories was weaker than in the Transvolga region. Also, in relation to the Prut-Dniester region, it was pointed out the fact that the greater the amount of bones accompanied by horse remains in the grave, the more likely it should be attributed to a later time, and the lesser - to an earlier period.

Vitalii Jeleznii

Cu privire la specificul mormintelor pecenege și uze din interfluviul Prut-Nistru

Articolul include rezultatele cercetării mormintelor pecenege și uze din secolele IX-XIV din spațiul Prut-Nistru ce conțineau oase de cal. În total au fost analizate 83 de morminte. A fost întreprinsă încercarea de a stabili indicii ritului funerar peceneg și uz. Este unanim acceptată în literatura de specialitate supoziția, conform căreia uzii depuneau fragmentele de cal deasupra defunctului. Pecenegii însă le depuneau lângă defunct, la același nivel cu acesta. Dacă se ia în considerație această particularitate, atunci rezultă că în regiunea dintre Prut și Nistru este predominant ritul funerar peceneg. În procesul de cercetare a fost admisă opinia că tipul rămășițelor de cal de asemenea reprezintă un indiciu etno-cultural. Pecenegii își înhumau defuncții cu craniu de cal sau cu pielea de cal împăturită, pe când uzii – cu pielea de cal întinsă. În acest fel, ritualurile funerare ale pecenegilor și uzilor se aseamănă între ele, dată fiind originea lor comună. Faptul este indicat și în izvoarele scrise. Acestea denotă că pecenegii reprezentau un trib oguz. Este admisă de asemenea supoziția, că amplasarea verticală în raport cu defunctul a rămășițelor de cal, ar fi determinată de pătrunderea în mediul nomazilor a religiei islamice. În spațiul Prut-Nistru astfel de morminte capătă răspândire preponderent în perioada Hoardei de Aur. Drept rezultat al cercetării, este constatată prezența în interfluviul Prut-Nistru a mormintelor pecenege în secolele X-XI. Mormintele uzilor datează începând din secolul X până în secolul XIV. Este constatată de asemenea faptul, că spre deosebire de mediul altor populații pecenege și uze din Europa de Est, la cea din spațiul pruto-nistrean stratificarea socială poartă un caracter mai puțin accentuat, decât la nomazii din regiunile de dincolo de râul Volga. De asemenea, în cazul regiunii de referință se poate observa o creștere, cu timpul, a numărului resturilor de cal din mormânt: cu cât sunt mai multe oase, cu atât este mai verosimilă atribuirea mai recentă a acestuia, și cu cât mai puține, respectiv este mai vechi.

Виталий Железный

К вопросу о специфике печенежских и узских погребений Пруто-Днестровского региона

В настоящей статье были рассмотрены печенежско-узские погребения с частями коня, известные из древностей Пруто-Днестровского региона IX-XIV вв. Всего проанализировано 83 захоронения. Была произведена попытка выделения признаков печенежского и узского (торческого, огузского) обряда захоронения. Общепринятым в историографии является предположение, что узы помещали части коня над человеком. Печенеги же располагали их рядом

с человеком, на одном с ним уровне. Исходя из этой особенности, можно предположить, что в Пруто-Днестровском регионе, в основном, распространен печенежский тип обряда. В ходе исследования было выдвинуто предположение, что тип останков коня также является этнокультурным маркером. Печенеги хоронили своих умерших с конским черепом, либо со сложенной шкурой коня. Узы погребали с растянутой шкурой. По этим позициям, обряды печенегов и узы между собой схожи. Это происходит из их родственного происхождения. Об этом свидетельствуют и письменные источники. В них содержатся сведения, что печенеги были огузским племенем. В работе было высказано предположение, что размещение останков коня вертикально относительно человека связано с проникновением ислама в среду кочевников. В Пруто-Днестровском регионе такие погребения распространяются, главным образом, в золотоордынский период. В итоге исследования мы пришли к заключению, что печенежские погребения в Пруто-Днестровском регионе приходится на период X-XI вв. Погребения узов известны с X по XIV вв. Сравнение памятников печенежско-узского населения X-XI вв. разных регионов Восточной Европы, позволило прийти к заключению, что в Пруто-Днестровском регионе у кочевников социальная стратификация была слабее, чем у кочевников Заволжья. Также, в отношении Пруто-Днестровского региона, было выявлено, что, чем большим количеством костей сопровождаются останки коня в погребении, тем вероятнее его отнести к более позднему времени, и чем меньшим – к более раннему.

Данная работа посвящена исследованию погребальных памятников поздних кочевников конца IX – середины XIV в. Пруто-Днестровского региона, сопровождающихся останками коня. Рассматриваются захоронения с частями коня. В подобных погребениях наличествует череп коня или его шкура. Под шкурой мы подразумеваем, главным образом, череп, найденный в одном контексте с конечностями коня. Лишь в трех случаях о наличии шкуры могут свидетельствовать конечности, не сопровождавшиеся черепом (Балабану, К.21, П.1 [Chebotarenko, Iarovoï, Tel'nov 1989, 68-69]; Суворово, К.2, П.1 [Dobroliubs'kii, Stoliarik 1983, 71-75]; Шалвирий Ной, К.6, П.11 [Kurchatov 1990]). Шкура коня встречается в сложенном, либо разложенном виде. На основе данных различий были выделены три группы погребений.

Всего выборка составила материалы 83 погребений (карта 1). Однако, для некоторых комплексов отсутствует изображение, а описание об останках коня дано в краткой форме. Поэтому, в ряде случаев, отсутствовала информация по характеристике останков коня. В результате, в рассматриваемые группы вошло 58 погребений. В некоторых случаях в исследовании используется вся выборка, в данных моментах это будет оговариваться.

В работе используется периодизация Г.А. Федорова-Давыдова, разделяющая кочевнические древности восточноевропейских степей IX-XIV вв. на четыре периода: 1) конец IX – XI в. (господство печенегов и краткий период торчешского-узского нашествия); 2) последняя четверть XI – XII в. (начальный период господства половцев); 3) конец XII – начало XIII

в. (предмонгольский период половцев); 4) вторая пол. XIII – XIV в. (золотоордынский период половцев) [Fedorov-Davydov 1966, 9].

Группы погребений:

I группа – погребения с *черепом коня* (девять захоронений) (рис. 1,1-3).

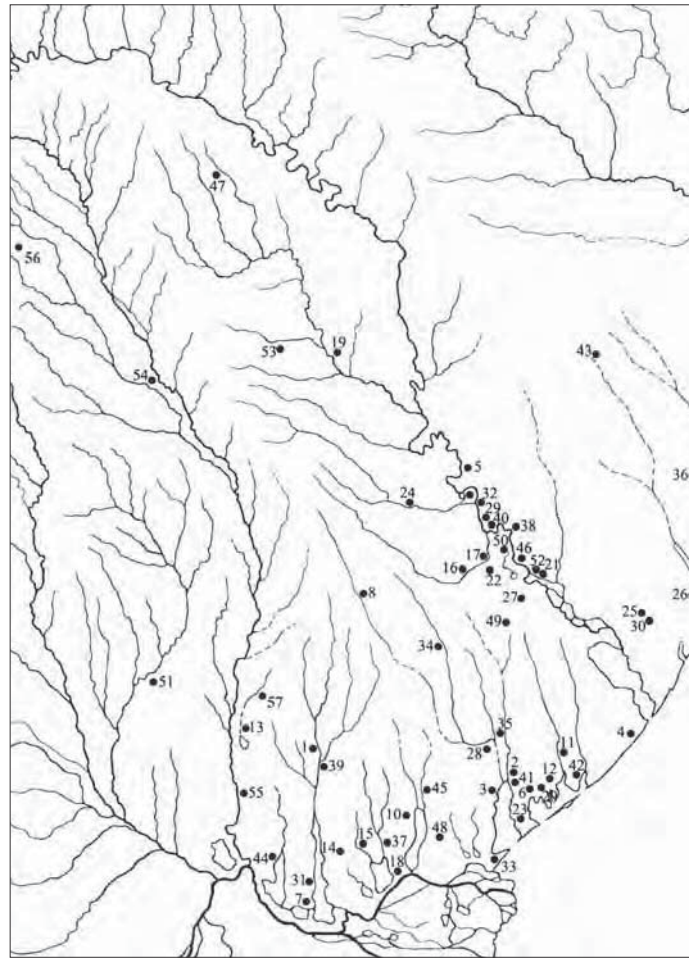
II группа – погребения со *сложенной шкурой коня* (15 захоронений) (рис. 1,4-8).

III группа – погребения с *растянутой шкурой коня* (35 захоронений) (рис. 2,1-8).

Погребения первой группы, по вещевому комплексу (табл. 2), датируются в пределах X-XII вв., уже их можно соотносить, в большей степени, с периодом X-XI вв. (табл. 1). Основная часть погребений второй группы относится к X-XI вв. (табл. 1). Датировки вещевых комплексов из погребений третьей группы, свидетельствуют, о том, что они бытуют в наиболее широком хронологическом диапазоне – X-XIV вв. (табл. 1).

Печенеги и узы Пруто-Днестровского региона в контексте их пребывания в степях Восточной Европы.

Анализ погребальных памятников печенегов и узов (огузов, гузов, торков - по разным письменным источникам) степей Восточной Европы позволил различным исследователям выделить характерные черты их погребального обряда. И у тех и у других групп населения погребения впускные, с западной ориентировкой, с сезонными отклонениями, шкура коня также обращена черепом на запад. Для печенегов было определено наличие шкуры коня, разложенной рядом с погребенным на дне могилы. Обряд узов отличается расположением шкуры коня над погреб-

Карта 1. Размещение кочевнических погребений IX-XIV вв. с частями коня в Пруто-Днестровском регионе. 1 – Балабану; 2 – Белолесье; 3 – Борисовка; 4 – Будаки; 5 – Бутор; 6 – Вишневое; 7 – Градешка; 8 – Градиште; 9 – Гура-Быкулуй; 10 – Дзинилор; 11 – Дивизия; 12 – Желтый Яр; 13 – Зырнешть; 14 – Каланчак; 15 – Каменка; 16 – Кэушень; 17 – Киркэешть; 18 – Кислица; 19 – Кодрул Ноу; 20 – Кочковатое; 21 – Красное; 22 – Кырнэцень; 23 – Лиман; 24 – Мерень; 25 – Мирное; 26 – Нерубайское; 27 – Рэскээций Ной; 28 – Павловка; 29 – Паркань; 30 – Петродолинское; 31 – Плавни; 32 – Плоское (Dobroliubskii 1986: 27); 33 – Приморское; 34 – Сэиць; 35 – Сарата; 36 – Сербка; 37 – Суворово; 38 – Суклея; 39 – Тараклия; 40 – Терновка; 41 – Траповка; 42 – Тузлы; 43 – Флориновское; 44 – Фрикацей; 45 – Холмское; 46 – Чобурчиу; 47 – Шалвирий Ной; 48 – Шевченково; 49 – Штефан-Водэ; 50 – Копанка; 51 – Гривица; 52 – Хлина; 53 – Мындрешты; 54 – Пробота; 55 – Вадул луй Исак; 56 – Рома; 57 – Румянцево.

Map 1. Spacing of nomadic burials of the IX-XIV centuries with the remnants of the horse in the Prut-Dniester region. 1 – Balabanu; 2 – Beloles'e; 3 – Borisovka; 4 – Budaki; 5 – Butor; 6 – Vishnevoe; 7 – Gradeshka; 8 – Gradište; 9 – Gura Bicului; 10 – Dzinilor; 11 – Diviziia; 12 – Zholtii Yar; 13 – Zirnești; 14 – Kalanchak; 15 – Kamenka; 16 – Căușeni; 17 – Chircăiești; 18 – Kislitsa; 19 – Codrul Nou; 20 – Kochkovatое; 21 – Crasnoe; 22 – Cîrnățeni; 23 – Liman; 24 – Mereni; 25 – Mirnoe; 26 – Nerubaiskoe; 27 – Râscăieții Noi; 28 – Pavlovka; 29 – Parcani; 30 – Petrodolinskoe; 31 – Plavni; 32 – Ploskoe (Dobroliubskii 1986: 27); 33 – Primorskoe; 34 – Săiți; 35 – Sarata; 36 – Serbka; 37 – Suvorovo; 38 – Sucleia; 39 – Taraclia; 40 – Tîrnauca; 41 – Trapovka; 42 – Tuzly; 43 – Florinovskoe; 44 – Frikatsei; 45 – Holmskoe; 46 – Cioburciu; 47 – Șalvirii Noi; 48 – Shevchenkovo; 49 – Ștefan Vodă; 50 – Copanca; 51 – Grivița; 52 – Hlinaia; 53 – Mîndrești; 54 – Probotă; 55 – Vadul lui Isac; 56 – Roma; 57 – Rumyantsevo.

бенным (на перекрытии, в засыпке, на крышке гроба или колоды) [Garustovich, Ivanov 2001, 94; Pletneva 2003, 123-124; Kruglov 2003, 13]. В одном случае останки коня находятся в горизонтальном соотношении с человеком, а в другом – в вертикальном.

Исходя из данной характеристики, из пе-

ченежско-узского круга выпадают погребения, составленной нами выборки, с восточной (пять захоронений), а также с полярными ориентировками (шесть захоронений)¹. В двух захоро-

1. Погребения с восточной ориентировкой появляются в Пруто-Днестровском регионе в половецкий период [Dobroliubskii 1986, 54, 122], с южной и северной – в зо-

нениях покойник и останки коня располагались в противоположные стороны: в одном человек лежал головой на запад, а шкура коня – черепом на восток (Сарата, К.10 [Knauer 1890, 30-31; Dobroliubskii, Dzigovskii 1981, 141]), в другом – погребенный ориентирован головой на ЮВ, шкура коня – на СЗ (Кислица, К.4, П.19 [Dobroliubskii 1986, 99]). Помимо, этого, выделяется маленькая группа, в которой кости коня находились в ногах покойника (Пробота, П.7 [Zaharia, Zaharia 1962, 603-605; Spinei 1985, 116]; Градиште, К.1, П.11 [Oboldueva 1955, 37, 45, 47]; Шалвирий Ной, К.6, П.11 [Kurchatov 1990]; Румянцево, К.1, П.15 [Bubulich 1992, 17-18]), что по отношению к некоторым захоронениям (Пробота, П.7; Градиште, К.1, П.11) можно интерпретировать как черту погребального обряда венгров [Balint 1972, 178]. В одном погребении сложенная шкура располагалась вдоль нижней части скелета покойника справа (Киркэешть, К.1, П.4 [Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989, 136]). Остальные захоронения можно соотнести с печенежско-узским населением. Это погребения с западной ориентировкой, останки коня ориентированы в том же направлении, в каком и костяк покойника, при этом, череп коня располагается у головы человека.

В Пруто-Днестровском регионе всего было выявлено 18 погребений (22%) характеризующихся вертикальным соотношением покойника и останков коня. Из них, в шести случаях (7%) кости коня располагались над человеком (на перекрытии, либо в засыпке), и в 12 погребениях (14%) они находились на уступе. В некоторых случаях часть костей коня присутствует на уступе, а часть над погребенным (Нерубайское, К., П.1 [Zakharuk 1949, 140-141, 143]; Нерубайское, К., П.2 [Zakharuk 1949, 141-144; Dobroliubskii, Dzigovskii 1981, 138]; Сукляя, 156.1899/334 [Dobroliubskii 1986, 92]; Тараклия, К.2, П.3 [Dergachev 1980, 14; Dobroliubskii 1986, 103]).

Для данной категории погребений характерно присутствие останков по левую сторону от человека. Если имеется уступ, то он распо-

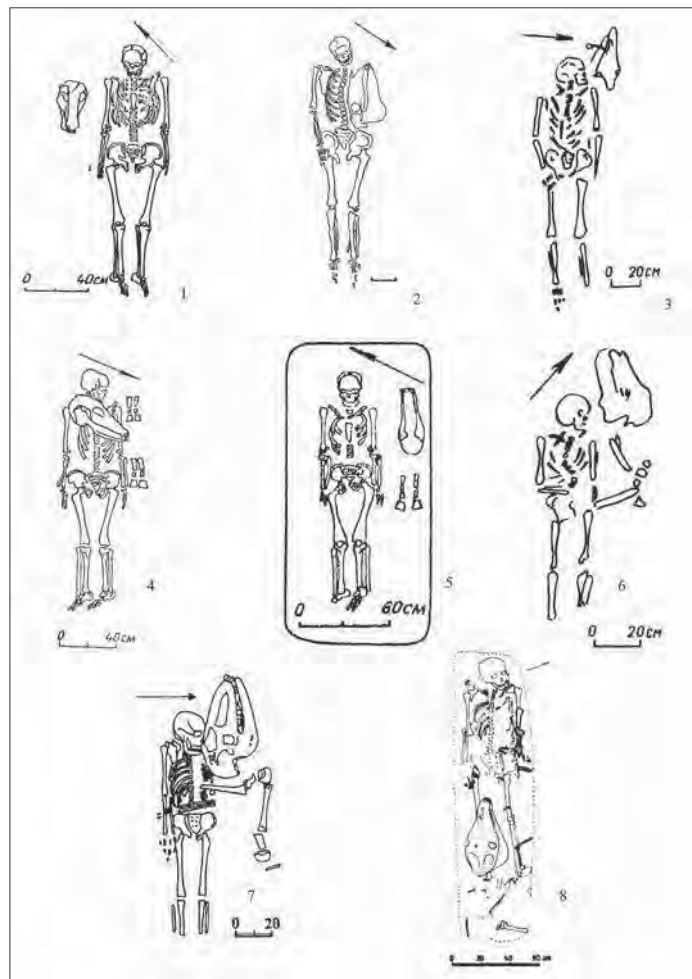

Рис. 1. Погребения первой (1-3) и второй (4-8) группы. Масштабы разные. 1 – Балабану, К.1, П.2; 2 – Кодрул Ноу, К.3, П.5; 3 – Плавни, К.12, П.4; 4 – Киркэешть, К.4, П.5; 5 – Кэушень, К.5, П.1; 6 – Красное, К.5, П.2; 7 – Тараклия, К.19, П.1; 8 – Пробота, П.7.

Fig. 1. Burials of the first (1-3) and the second (4-8) groups. Different scale is used. 1 – Balabanu, M.1, B.2; 2 – Codrul Nou, M.3, B.5; 3 – Plavni, M.12, B.4; 4 – Chircăiești, M.4, B.5; 5 – Căușeni, M.5, B.1; 6 – Crasnoe, M.5, B.2; 7 – Taraclia, M.19, B.1; 8 – Probota, B.7.

гается слева от человека. А если кости коня находятся над погребенным, то их положение было либо прямо над ним, либо с отклонением влево.

Также можно выделить по отношению к данным погребениям определенный дифференцирующий аспект. В одних комплексах все кости коня находятся в вертикальной позиции по отношению к человеку (над ним в засыпке или на перекрытии, на уступе). В других (четыре погребения) – череп коня располагается на груди покойника, а конечности на дне могилы (Киркэешть, К.4, П.5 [Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989, 147-149]; Та-

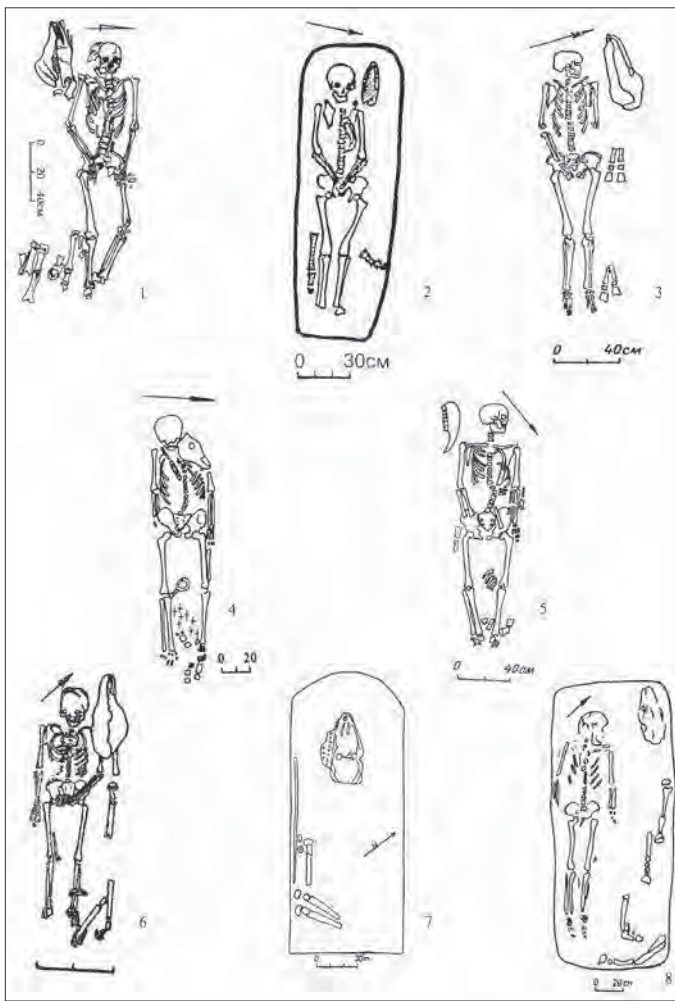

Рис. 2. Погребения третьей группы. Масштабы разные. 1 – Бутор I, К.2, П.1; 2 – Дивизия II, К.5, П.5; 3 – Кэушень, К.1, П.1; 4 – Мерень I, К.1, П.2; 5 – Рэскэций Ной, К.1, П.1; 6 – Сэиць, К.6, П.5; 7 – Приморское, К.1, П.6; 8 – Дзинилор, К.5, П.1.

Fig. 2. Burials of the third group (1-8). Different scale is used. 1 – Butor I, M.2, B.1; 2 – Diviziia II, M.5, B.5; 3 – Căușeni, M.1, B.1; 4 – Mereni I, M.1, B.2; 5 – Răscăieții Noi, M.1, B.1; 6 – Săiți, M.6, B.5; 7 – Primorskoe, M.1, B.6; 8 – Dzinilor, M.5, B.1.

ракля, К.2, П.3 [Dergachev 1980, 14; Dobroliubskii 1986, 103]; Павловка, К.2, П.2 [Spinei 1985, 114-115; ОИАК 1893, 84, 164]). К последним относится одно захоронение, в котором присутствовал только череп коня, находившийся на левой части грудной клетки покойника (Кодрул Ноу, К.3, П.5 [Iarovoii 1985, 26]). И одно захоронение, в котором череп коня лежал на груди погребенного, кости трех конечностей располагались слева на дне могилы, и кости одной конечности на уступе (Таракля, К.2, П.3 [Dergachev 1980, 14; Dobroliubskii 1986, 103]).

Первая группа погребений, в которых все кости коня лежат вертикально относительно скелета человека, датируются по вещевому комплексу XIII-XIV вв. (табл. 1). Во вторых, отсутствует датирующий инвентарь, однако по погребальному обряду (присутствие только черепа коня, либо отчленение конечностей коня по первый сустав – см. раздел «Особенности связанные с конечностями коня») их можно отнести к диапазону X-XII вв.

В целом, кочевники Пруто-Днестровского региона размещали части коня, преимущественно, рядом с покойником на дне могилы, что соответствует печенежской традиции.

Такая ситуация характерна в общем для западных областей Восточной Европы. Для этой территории отмечается малое количество погребений со шкурой коня уложенной над умершим, в отличие от Северного Прикаспия, Урало-Поволжья и Волго-Подонья [Kruglov 2001, 428]. В.А. Иванов составил каталог узкопеченежских погребений Восточной Европы. В нем содержится 84 погребения со шкурой коня лежащей над человеком, и из них 45 (64%) погребений географически располагаются к востоку от Волги. При этом область распространения

данных захоронений на западе ограничивается Днестром, западнее которого такие памятники встречаются крайне редко [Ivanov 2014, 132]. Наибольшая концентрация узких элементов материальной и погребальной культуры приходится на Северный Прикаспий. К подобным признакам относятся конская шкура, расположенная над человеком, копоушки, птицевидные нашивки и поясные наборы [Garustovich, Ivanov 2001, 77]. И чем дальше от этого ареала, тем менее выражены узкие признаки, и более нарастает количество печенежских. Так, севернее – в Урало-Поволжье – соотношение погребений со шкурой коня рядом с человеком и над ним, уже в пользу первых. В выделенных И.В. Матюшко погребениях IX-XI вв. со шкурой коня степного Приуралья в 70% случаях кости коня находились рядом с человеком (слева) и в 20% - над ним (10% - на перекрытии и 10% - в засыпи) [Matiushko 2016, 183]. Также в северных

областях Заволжья – в лесных и лесостепных районах – распространены удила без перегиба, которые по мнению С.А. Плетневой являются печенежским атрибутом [Pletneva 1958, 162].

Погребения степей Восточной Европы со шкурой коня расположенной рядом с человеком на дне могилы представлены 201 в выборке В.А. Иванова (в 169 погребениях кости коня слева, в 32 – справа от человека). Характер их распространения В.А. Иванов описывает следующим образом: «Их география обратно пропорциональна географии огузских погребений: 21,4% локализируются в степях Урало-Поволжья. К западу от Волги частота встречаемости этих погребений идет по возрастающей: из оставшихся 78,6% рассматриваемых погребений 12,9% обнаружены в степях Волго-Донского междуречья, 15,4% – в Нижнем Подонье и 48,2% – на территории современной Украины до Днестра на западе» [Ivanov 2014, 134].

Отмеченная территориальная дифференциация археологического материала согласуется и с письменными источниками. На их основании В.А. Иванов выделяет для IX-XI вв. две «Печенегии» – Европейскую и Заволжскую. Заволжская Печенегия находилась между Волгой и Уральским хребтом. К югу от них проживали узы (огузы) [Pilipchuk 2014, 238; Ivanov 2000, 273; Garustovich, Ivanov 2001, 101-105].

Социокультурные процессы в среде печенежского и узского населения по данным погребального обряда.

Теперь остановимся на категории погребений с уступами, на которых располагаются части коня. Всего, из выборки на эту группу пришлось 12 таких захоронений (14%). В двух погребениях были два уступа вдоль длинных стенок погребальной камеры (кости коня в них находились вдоль северного). В остальных уступ располагался вдоль длинной северной стенки, т.е., по левую сторону от человека. Тип шкуры известен по отношению к шести погребениям – в них присутствовала разложенная шкура (в остальных случаях, в описании сообщается, что присутствуют череп и конечности ног коня).

Мнения исследователей по поводу этнической идентификации данной категории погребений, порою различается. Е.В. Круглов согласен с С.А. Плетневой в том, что погребения с уступами являются особенностью узского

погребального обряда, т.к. выражают вертикальное соотношение останков коня и человека [Kruglov 2001, 399]. Сама С.А. Плетнева в разных публикациях соотнесла погребения с уступами с различными этническими группами: с печенегами [Pletneva 1958, 155], с узами [Pletneva 1981, 218], а потом опять с печенегами [Pletneva 2003, 123-124]. В.А. Иванов в отношении кочевнических погребений Урало-Поволжья X-XI вв., отмечает, что погребения с уступами встречаются чаще у печенегов, тогда как у узов доминируют могилы с деревянным перекрытием [Ivanov 2014, 135]. Таким образом, очевидна неопределенность и трудность в этнической интерпретации погребений с уступами печенежско-узского населения.

Для решения этого вопроса нужно исходить из сущности такого явления как сооружение уступа (в более широком смысле – условленные конструкции погребальной ямы). По всей видимости, первоначально уступ не этническая черта, а социальная. И фиксируются уступы не как этномаркирующий признак в погребальном обряде какого-либо народа, а можно лишь вести речь о степени распространенности (или нераспространенности) среди погребальных памятников той или иной этнокультурной группы, что свидетельствует об определенных социальных условиях. По мнению исследователей, конструкция могилы определялась уровнем затрат труда на ее сооружение, которые характеризуют социальный статус погребенного индивида. Показатели затрат труда при погребальных действиях в контексте конкретной этнокультурной группы характеризуют ее общественную организацию и стратификацию [Masson 1976, 153; Dobroliubskii 1978, 113]. С этой точки зрения наличие уступа в погребении не является само по себе этнической характеристикой. Сооружать уступы в могиле могли как узы, так и печенеги.

Для первого периода (по Г.А. Федорову-Давыдову) сооружение уступов в погребениях Пруто-Днестровского региона оказалось нехарактерным, они появляются со второго периода [Dobroliubskii 1986, 54]. В тоже время, для Заволжья свойственна другая ситуация. В Урало-Поволжье 6,5 % кочевнических погребений X-XI вв. были с уступами [Ivanov, Garustovich, Pilipchuk 2014, 336]. В Степном Приуралье та-

кой показатель составил 10% [Matiushko 2016, 183]. Погребения с уступами фиксируются и в Северном Прикаспии [Kruglov 2001, 431-435]. Кроме того, на данных территориях в это время существует практика сооружения подбоев [Ivanov, Garustovich, Pilipchuk 2014, 337; Matiushko 2016, 183; Kruglov 2001, 431-439], которые также предполагают большие затраты труда на сооружение погребальной камеры. В Пруто-Днестровском регионе погребения с подбоями ранее золотоордынского времени не встречаются [Dobroliubskii 1986, 73]. Все это свидетельствует о различной социальной организации кочевников данных регионов.

Схожая ситуация и с захоронениями с останками коня над человеком, которые на западных территориях свидетельствуют о меньших затратах труда: в восточноевропейских степях к западу от Поволжья распространены погребения без перекрытий, в которых кости коня находятся в засыпи могилы [Ivanov, Garustovich, Pilipchuk 2014, 384, рис. 13]. Данные региональные особенности подтверждаются еще и таким показателем, как основное или впускное погребение. Если в Урало-Поволжье высок процент основных погребений среди узских и печенежских комплексов [Ivanov, Garustovich, Pilipchuk 2014, 336, 340], то в Пруто-Днестровском регионе основные погребения с частями коня датируются золотоордынским временем (табл. 1). В итоге можно прийти к выводу о региональном отличии социальной стратификации печенежско-узского населения. В Северном Прикаспии и Урало-Поволжье социальная стратификация у них была сильнее, нежели в их западных местах проживания.

Помещение костей коня над погребенным, является, скорее, особенностью социокультурного характера. В данном случае кости коня не хоронятся в одном погребальном пространстве с человеком, а несколько выносятся за него. Это может быть проявлением распространения ислама среди узского населения (письменные источники сообщают о принятии ислама некоторыми группами огузов [Garustovich, Ivanov 2001, 12, 24, 126]). В погребальном комплексе это выражается в удалении языческих элементов «на второй план», к которым, в значительной степени, относится захоронение умершего вместе с конем. В таком обряде можно видеть синкретизм языче-

ства и ислама, их взаимосуществование в узской культурной среде. Конечно, в данном случае не идет речь о принятии узами мусульманства, т.к. погребения соответствовали бы «в чистом виде» мусульманским канонам, предполагающим отсутствие останков коня, скудность вещевого комплекса. Здесь же, вероятно, отражено слабое влияние монотеистической религии в условиях формирующейся государственности.

В Пруто-Днестровском регионе погребения с останками коня, находящимися над человеком, приходится на золотоордынский период (XIII-XIV вв.), т.е. на время когда ислам особенно активно проникал в среду кочевников. К более раннему времени (X-XII вв.), по обряду, можно отнести такие формы, как: присутствие черепа коня на груди покойника, а конечностей на дне могилы, или же наличие только черепа коня на груди погребенного. Таким образом, культурные процессы, происходившие в Заволжье в IX-XI вв., в Пруто-Днестровском регионе наиболее интенсивно начали реализовываться только в золотоордынский период.

Однако и присутствие костей коня на уступе также отражает некую обособленность их по отношению к человеческому захоронению, хотя и образуют с ним единый погребальный комплекс. Вместе с этим, погребения с уступами характеризуются большими затратами труда.

Распространение в Пруто-Днестровском регионе погребений с уступами, на которых находятся кости коня, показывает, что они приходятся, в основном, на золотоордынский период (табл. 1). То есть, данные захоронения, в общем, распространены аналогичным образом, как и могилы, в которых части коня находятся над человеком. И отражают они, по всей видимости, те же самые социокультурные процессы, происходившие в среде кочевого населения Пруто-Днестровского региона в данное время.

Об этих тенденциях свидетельствуют и другие элементы погребального обряда. Так, в период с X по XII вв. отмечается преобладание подстилок, ни в одном захоронении не было совместное присутствие подстилки и перекрытия. Позднее затраты труда становятся больше: с XII по XIV вв. распространены сочетания подстилок и перекрытий, а также использование гробов. В это время, по сравнению с подстилками, преобладают перекрытия,

подстилки встречаются только в сочетании с перекрытием. Как видно, погребальный обряд изменялся всесторонне, что отразилось на совокупности признаков.

Попытка идентификации печенежских и узских захоронений

В печенежско-узских погребениях присутствует два варианта расположения конской шкуры – сложенная или разложенная. К сожалению, подобная дифференциация, как правило, не производилась исследователями в их публикациях. Данный признак был принят во внимание Е.В. Кругловым при исследовании кочевнических погребальных памятников Северного Прикаспия второй пол. IX – первой пол. XI в. В результате исследователь выяснил, что растянутые шкуры коней «зафиксированы исключительно в положении над погребенным» [Kruglov 2001, 419]. Отсюда, можно предположить, что признаком погребального обряда узов является не только такая черта как расположение шкуры коня над погребенным, но и ее *разложенность*.

В то же время, анализ кочевнических погребений Пруто-Днестровского региона позволил предположительно соотнести определенные погребальные памятники с печенегами. Печенежской чертой обряда можно считать наличие *сложенной* шкуры коня, располагающейся на дне могилы рядом с погребенным, ориентированным на запад. При этом шкура сложена у верхней части скелета человека. Встречаются и погребения другого типа, в которых присутствует только череп коня, располагающийся у головы человека, ориентированного на запад. Основная масса таких погребений распространена в первом периоде (по Г.А.Федорову-Давыдову), более поздним временем уверенно можно датировать лишь одно захоронение (Рома, К.1, П.1 – 13-14 вв.). Однако, выделяется малая группа захоронений характеризующихся печенежским типом присутствия частей коня (черепа, либо сложенной шкуры) с восточной ориентировкой. Восточная ориентировка среди позднекочевнических комплексов Восточной Европы распространяется в половецкий период, и является характерным признаком погребального обряда этого народа [Pletneva 1981, 218]. Отсюда, можно предположить, что данный тип погребений представляет собой влияние половецкого обряда на печенежский. В итоге можно констатировать: в основном печенежские по-

гребения приходятся на первый период, после которого отмечаются в малом количестве, и при этом большей частью с признаком половецкого обряда. Погребения с *растянутой* шкурой коня существуют в Пруто-Днестровском регионе с X по XIV вв. Причем, в отношении первого периода некоторые погребения датируются X – началом XI в., т.е. тем временем, когда узы еще не мигрировали на запад (их передвижение относится ко второй половине XI в.). Кроме того, количество погребений с растянутой шкурой в X–XI вв. довольно представительно, поэтому они не могли быть оставлены узами за короткое время их присутствия, приходящееся на конец первого периода. Получается, что во время печенежского господства Пруто-Днестровские земли, помимо самих печенегов, населяли и узы.

Если вернуться на территорию Северного Прикаспия, то можно отметить распространенность практики уложения сложенной шкуры коня над погребенным, в отличие от Пруто-Днестровского региона, где сложенная шкура помещалась рядом с человеком. И также Е.В. Круглов отмечает, что общее количество погребальных памятников IX–XI вв. с печенежскими признаками на территории Северного Прикаспия оказалось крайне незначительно [Kruglov 2001, 419; 2003, 22]. Отсюда можно заключить, что в Северном Прикаспии господствующим являлся погребальный обряд узов. Огузский каганат был полиэтничным образованием, в состав которого входили печенеги, асы, аланы и др. племена [Agadzhanov 1969, 147].

Стоит отметить, что, в принципе, разница небольшая между погребальным обрядом печенегов и узов, если иметь в виду обычай укладывать части коня в захоронение. Т.е., очевидна типологическая близость этих обрядов, а соответственно и культурная. Это может быть, по всей видимости, следствием того, что данные народности являются родственными, а следовательно, не стоит искать и какие-либо значительные различия между ними, поскольку это не два разных и чуждых друг другу этноса. А вариативность в способе укладки шкуры коня в могилу может и быть отражением погребального обряда родственных этнических групп.

Об этногенетическом родстве печенегов и узов (огузов) сообщают и письменные источники. Абу-л-Гази упомянул имя хана Бече как од-

ного из 24-х внуков Огуз-хана [Kononov 1958, 56]. Махмуд Кашгарский, автор XI в., представил печенегов заволжских степей как племя, входившее в состав огузов [Fedorov-Davydov 1966, 135], т.е. этноним огузы был также и собирательным [Garustovich, Ivanov 2001, 47].

Различные же проявления обряда какой-либо группы (например, кости коня над человеком или рядом с ним) отражают социокультурные особенности, возникшие в конкретной этнокультурной, геополитической обстановке. В случае узов помещение шкуры коня над погребенным могло означать влияние ислама, а немусульманизированные узы погребали человека, укладывая шкуру коня рядом с ним. Такие захоронения, с горизонтальной позицией, распространены вне территории Северного Прикаспия, а с вертикальной, наоборот – чаще всего в Северном Прикаспии. Эта особенность исходит из социальной организации узов данного региона – усиление государственности, социальной стратификации [Agadzhanov 1969, 102] – условий, которые способствовали проникновению ислама, и, наоборот – под влиянием ислама происходили активнее. Такому же влиянию подвергались и другие этнические группы, в частности – печенеги, хоронившие умерших со сложенной шкурой помещавшейся над погребенным.

Особенности, связанные с конечностями коня

Исследования позднекочевнических захоронений восточноевропейских степей показали, что отчленение скаковых конечностей коня по тот или иной сустав является хронологическим показателем. Как выяснилось, отчленение по первый и второй сустав характерно для более ранних захоронений, а по третий для более поздних [Atavin 1984, 134-143].

Первым исследователем, кто учел данный признак для позднекочевнических погребений, был А.Г. Атавин. Его выборка территориально охватила восточные районы восточноевропейской степи [Atavin 1984, 134]. Затем на это внимание обратила и С.А. Плетнева в своих более поздних публикациях, относившимся к кочевническим захоронениям курганов Белой Вежи

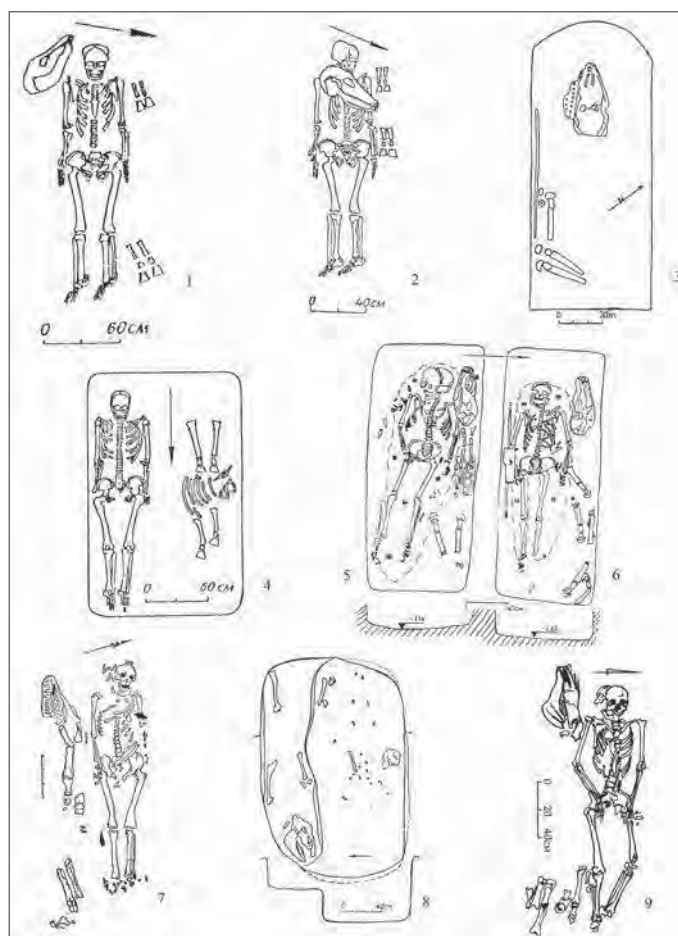

Рис. 3. Варианты отчленения костей ног коня. 1-2 – по первый сустав; 3-6 – по второй сустав; 7-8 – по второй и третий сустав; 9 – по третий сустав. Масштабы разные. 1 – Киркэешть, К.5, П.3; 2 – Киркэешть, К.4, П.5; 3 – Приморское, К.1, П.6; 4 – Балабану, К.21, П.1; 5 – Штефан-Водэ, К.1, П.1а; 6 – Штефан-Водэ, К.1, П.1; 7 – Плавни, К.8, П.1; 8 – Холмское, К.7, П.1; 9 – Бутор I, К.2, П.1.

Fig. 3. Variants of abjunction of a horse's limb bones: 1-2 – at the first joint; 3-6 – at the second joint; 7-8 – at the second and the third joint; 9 – at the third joint. Different scale is used.

1 – Chircăiești, M.5, B.3; 2 – Chircăiești, M.4, B.5; 3 – Primorskoie, M.1, B.6; 4 – Balabanu, M.21, B.1; 5 – Ștefan Vodă, M.1, B.1a; 6 – Ștefan Vodă, M.1, B.1; 7 – Plavni, M.8, B.1; 8 – Holmskoe, M.7, B.1; 9 – Butor I, M.2, B.1.

[Pletneva 1990, 18]. Также характер отчленения ног по тот или иной сустав был учтен Е.В. Кругловым при исследовании погребальных памятников узов и печенегов Северного Прикаспия [Kruglov 2001, 395, 446; Kruglov 2003, 13-82].

В позднекочевнических погребениях Пруто-Днестровского региона отчлененность нижних конечностей ног лошади удалось проследить в 40 захоронениях (рис. 3). В девяти погребениях (22%) ноги у лошадей были отделены по первый

сустав (рис. 3,1-2). В пяти захоронениях находилась растянутая шкура, и в четырех – сложенная. В четырех погребениях инвентарь отсутствовал. Датировать удалось только два погребения: одно относится к X-XI вв. (Вадул луй Исак, К.1, П.5 [Agul'nikov, Ursu 2006, 62, 64]), другое – к XI-XII вв. (Мерень I, К.1, П.2 [Dergachev, Sava 2001-2002, 527, 529]). Ввиду того, что в этой группе присутствует представительное количество погребений со сложенной шкурой, которая, как удалось выявить, распространена в памятниках X-XI вв., то можно предположить, что и в целом, конечности коня, отчлененные по первый сустав, присутствуют в большем количестве в захоронениях X-XI вв. При этом, в общем, их бытование определяется в пределах X-XII вв.

В 25 (65%) погребениях зафиксировано отчленение костей ног лошади по второй сустав (рис. 3,3-6). Такие погребения бытуют с X по XIV в. Отмечается эта черта в погребениях и со сложенной (пять погребений) и с растянутой шкурой коня (19 погребений).

Как видно, для погребений со сложенной шкурой характерно почти равное соотношение отделения конечностей коня по первый и второй суставы. В погребениях с растянутой шкурой в большинстве случаев конечности отделены по второй сустав.

Отчленение ног коня по третий (рис. 3,7-9) сустав было зафиксировано в десяти погребениях (26%). В одном случае сложенная шкура коня сопровождалась отчлененными по третий сустав конечностями (Шалвирий Ной, К.6, П.11 [Kurchatov 1990]), в остальных – растянутая. В некоторых захоронениях было совмещено отделение по второй и третий суставы (четыре погребения из десяти). В шести захоронениях все конечности были отделены по третий сустав.

А.Г. Атавин в своем исследовании древностей кочевников восточноевропейских степей выявил, что отчленение скаковых конечностей по первый и второй суставы, а также помещение в могилу одного лишь черепа коня без конечностей, было распространено в печенежско-торчешский период, а с приходом половцев кладут в могилу шкуру коня с ногами, отчлененными по третий сустав [Atavin 1984, 139]. Как показали данные Пруто-Днестровского региона, захоронения с конечностями коня, отчлененными по первый сустав, не датируются позднее XII в., равно как и

захоронения с черепом коня. Большей же массой они приходится на X-XI вв. Конечности, отделенные по второй сустав, присутствуют в захоронениях на протяжении X-XIV вв. Одно захоронение с отчлененными конечностями по третий сустав можно отнести к X-XI вв. (Бутор I, К.2, П.1 [Sinika, Razumov, Tel'nov 2013, 35]), остальные относятся к последующему времени – XII-XIV вв.

Данные результаты, в отношении Пруто-Днестровского региона, в общих чертах, соответствуют выводам Г.А. Атавина. При этом, как можно видеть, отсутствует четкое соответствие между отчленением по какой-либо сустав и хронологическими показателями. А выражается данный признак в виде тенденции и наибольшей распространенности в то или иное время.

Материалы Пруто-Днестровского региона свидетельствуют, что целостность шкуры коня, в связи с количественным присутствием конечностей, также проявляется в хронологическом плане. Можно выделить три типа погребений: 1) с черепом коня без конечностей; 2) со шкурой коня, сопровождающейся костями двух конечностей или менее (иногда встречаются некоторые обломки конечностей (рис. 2,4-5)); 3) со шкурой коня, сопровождающейся костями четырех, или трех конечностей. Как правило, в захоронениях со шкурой коня представлено две или четыре конечности.

Всего по этому признаку было рассмотрено 55 погребения из выборки. На первый тип приходится девять погребений, на второй – 15, на третий – 32.

По отношению к *сложенной шкуре* преобладает второй тип: семь погребений относятся ко второму типу и три – к третьему. *Разложенная шкура*, наоборот, преимущественно, типична для третьего типа: семь погребений относятся ко второму типу и 26 – к третьему. По поводу трех захоронений отсутствует информация о варианте шкуры.

Большинство погребений с разложенной шкурой второго типа приходится на X-XI вв., в целом же такие захоронения не датируются позднее XII в. (табл. 1). Отличным образом бытуют погребения с разложенной шкурой коня третьего типа, которые распространяются в наибольшей степени после X-XI вв.

Таким образом, первый и второй типы, в основном, приходится на первый период, и от-

части на второй. Погребения же третьего типа существуют с X по XIV в., с XII века становясь доминирующим признаком погребального обряда.

В итоге, касательно исследованных памятников, можно заключить, что вариации в присутствии костей коня отражают определенную общекультурную тенденцию. Заключается она в увеличении, с течением времени, количества костей коня, и присутствии в захоронении более целостной имитации лошади, когда конечности находились в более цельном виде. С одной стороны отчлененные конечности становились все больше по размеру, а с другой – их количественное присутствие с течением времени увеличивалось.

И еще, можно обратить внимание на одну особенность, в связи с размещением останков коня по правую и левую сторону от погребенного. Погребения, в которых кости коня располагаются по правую сторону от человека, приходятся на X–XII вв. (табл. 1). Лишь одно такое погребение может датироваться более поздним временем (Плавни, К.8, П.1 [Добролюбский 1981, 132–133]).

Заключение

В нашей работе были изучены погребения с останками коня Пруто-Днестровского региона, которые в исследовательской литературе сопоставляются с печенежско-узским (огузскими, торческими) населением. И была произведена попытка разграничения памятников с узскими чертами погребального обряда и захоронений с печенежскими традициями.

Считается, что для огузов характерно вертикальное соотношение человека и останков коня в погребении, тогда как печенеги размещали части коня на дне могилы рядом с покойником. Исходя из этого, преобладающей практикой погребения кочевников Пруто-Днестровского региона конца IX – XII вв. была «печенежская». И лишь в золотоордынский период (XIII–XIV вв.) более распространенной формой обряда становится уложение частей коня вертикально относительно человека (над ним в засыпке или на перекрытии, на уступе).

В ходе работы было выдвинуто предположение, что обряд узов характеризует не только присутствие шкуры коня над погребенным, но и тип шкуры, которая является *растянутой*, имеющей ту же самую западную ориентировку,

что и человек. С печенегами были соотнесены погребения с черепом коня, либо со *сложенной шкурой коня*, находящимися в области верхней части скелета человека, ориентированного головой на запад. А различные позиции костей коня по отношению к человеку обусловлены социокультурными причинами.

По всей видимости, размещение шкуры коня в вертикальной позиции по отношению к человеку не является этническим знаком, а связано с процессом проникновения ислама в среду кочевников. Кочевники, которые не оказались в сфере влияния ислама, хоронили покойников с уложенной рядом шкурой коня.

Сходство погребального обряда печенегов и узов обусловлено их этногенетическим родством. Печенеги, судя по всему, были огузским народом, о чем свидетельствуют также нарративные источники.

В результате исследования выяснилось, что погребения печенегов (со сложенной шкурой или только с черепом коня) Пруто-Днестровского региона приходятся в основном на X–XI вв., после чего их количество резко уменьшается. Погребения узков (с растянутой шкурой коня) оказались частью синхронны печенежским X–XI вв., остальные существовали на протяжении всего времени, вплоть до золотоордынского периода.

Сравнение погребального обряда кочевников IX–XI вв. Заволжья и Пруто-Днестровского региона позволило сделать вывод о менее стратифицированном обществе кочевников этого времени в Пруто-Поднестровье. Также, в данном регионе на кочевников меньшее влияние оказывала монотеистическая религия. Интенсивный процесс исламизации кочевнического населения, происходивший в IX–XI вв. в Заволжье, в Пруто-Днестровском регионе осуществился в золотоордынский период.

Также, анализ погребений с частями коня Пруто-Днестровского региона позволил прийти к выводу о том, что, чем в более полном объеме представлены конечности коня, тем больше вероятности его датировать более поздним временем, и наоборот, чем в меньшем, тем вероятнее погребение относится к раннему времени. Сюда относятся: размер конечностей, выражающийся посредством отчлененности их по тот или иной сустав; и количественное присутствие конечно-

стей (это, как правило, проявляется в виде наличия костей двух или четырех конечностей). В конце работы была осуществлена датировка всех погребений составленной выборки на основе данных по вещевому комплексу и погребальному обряду (табл. 1, п.11; табл. 1а).

Таблица 1. Признаки погребального обряда.

Table 1. Characteristics of the funeral rite.

1. Характер захоронения: О – основное, Г – грунтовое. Все остальные впускные, курганные.
2. Половозрастная характеристика: М – мужчина, Ж – женщина, Р – ребенок.
3. Ориентировка погребенного.
4. Характеристика останков коня, присутствующих в захоронении: Ч – череп коня, С – сложенная шкура, Р – разложенная шкура; в остальных погребениях присутствует шкура коня, но нет информации о ее типе.

5. Позиция расположения костей коня относительно человека: П – по правую от него сторону, Л – по левую сторону, Н – над погребенным, Л/П и Н/Л – совмещение данных признаков.

6. Показатель отчленения конечностей коня по один из суставов: 1 – по первый, 2 – по второй, 3 – по третий, 2-3 – отчленение по второй и третий сустав.

7. Тип количественного присутствия частей коня в захоронении: 1 – череп коня; 2 – две (/одна) конечности, 3 – четыре (/три) конечности.

8. Конструктивные особенности погребальной камеры: У – уступ вдоль длинной северной стенки, 2У – два уступа вдоль длинных бортов могилы.

9. Другие элементы погребального обряда, деревянные конструкции: П/ – перекрытие; /П – подстилка, подсыпка; П/П – перекрытие и подстилка (/подсыпка); Г – гроб; К – камни.

10. Датировка захоронения по инвентарю.

11. Датировка захоронения с учетом погребального обряда.

	Признаки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Балабану, К.1, П.2		М	СВ	Ч	П		1				к.11-12
2	Румянцево, К.1, П.15			ЮЗЗ	С		2	3		П/	12 в.	12 в.
3	Рома, К.1, П.1		М	ЮЗЗ	С	Л				П/	13-14 вв.	13-14
4	Балабану, К.21, П.1			Юг	Р	Л	2	3			12-13 вв.	13 в.
5	Белолесье, К.2, П.1		Ж	З	Ч	Л		1		П/	10-12 вв.	11 в.
6	Белолесье, К.5, П.1			СЗ	Ч	Л		1			11-12 вв.	11 в.
7	Белолесье, К.9(«кенотаф»)				Ч			1			11-12 вв.	11 в.
8	Борисовка, К.13, П.2 («кенотаф»)							3		/П	10-12 вв.?	12 в.
9	Будаки, курган			ЮЗЗ	С	Л	1				10-12 вв.?	10-11
10	Вадул луй Исак, К.1, П.5			СЗЗ	Р	Л	1	2		/П	11-12 вв.	11 в.
11	Бутор, К.2, П.1			З	Р	П	3	2			10-11 вв.	11 в.
12	Вишневое, К.54, П.5		М	З	Р	Л	2	3			13-14 вв.	13-14
13	Вишневое, К.57, П.4		Ж	З	Р	Л	2	2		/П	10-11 вв.	10-11
14	Градешка, К.7/1, П.1			З		П						10-12
15	Градиште, курган, П.11а		М	З	С					П/	11 в.	11 в.
16	Гривица, П.1			СЗЗ		Л					10-12 вв.	10-12
17	Гура-Быкулуй, К.1, П.1		Ж	ЮЗ	Р	Л	3	3			11-12 вв.	12 в.
18	Дзинилор, К.5, П.1			СЗ	Р	Л	2-3	3			10-12 вв.	12 в.
19	Дивизия II, К.5, П.5			З	Р	Л/П	2	2		/П	10-12 вв.	10-11
20	Желтый Яр, К.1, П.3			З	Р	Л	3	3		/П	11-12 вв.	12 в.
21	Зырнешть, курган, П.7			З	Р	Л	2	3			10-12 вв.	12 в.
22	Каланчак, К.1, П.2			СЗ	С	Л	2	2			10-11 вв.	10-11
23	Каменка, К.2, П.1			З		Л						10-14
24	Каменка, К.4, П.1			З	Ч			1			10-12 вв.	10-11
25	Копанка, курган, П.4			СВВ	6	Л				Г	11-12 вв.	12 в.
26	Кэушень, К.1, П.1			СЗЗ		Л		3				12-14
27	Кэушень, К.5, П.1			СВВ	С	Л	1	2				к.11-12

28	Киркэешть, К.1, П.4			З	С	П	1	3				11 в.
29	Киркэешть, К.4, П.5			ЮЗЗ	С	Н/А	1	2				10-11
30	Киркэешть, К.5, П.3			ЮЗЗ	Р	А/П	1	3				11 в.
31	Кислица, К.4, П.19			ЮВ		П						к.11-12
32	Кодрул Ноу, К.3, П.5			ЮЗ	Ч	Н		1				10-11
33	Кочковатое, К.28, П.1			ЮЮЗ		А					13-14 вв.	13-14
34	Красное, К.5, П.2			СЗ	С	А	2	2				10-11
35	Кырнэцень, К.1, П.1			СЗ	Р	А	2	3			11-12 вв.	12 в.
36	Лиман, К.2, П.9		М	З	Р	А	2-3	2		/П	11 в.	11 в.
37	Мерень I, К.1, П.2			З	Р	А	1	2		/П	11-12 вв.	11 в.
38	Мирное, К.1, П.3			З	Р	А			У			12-14
39	Мирное, курган, П.1			СВ	С	А				К	н. 11 в.	к. 11 в.
40	Мындрешть, курган											10-14
41	Нерубайское, К., П.1	О		ЮЗ	Р	Н/А	3	3	У	П/П	13-14 вв.	13-14
42	Нерубайское, К., П.2			ЮЗ	Р	Н/А	3	3	У	К,П/	13-14 вв.	13-14
43	Дивизия II К.2, П.8			З	Ч			1				10-11
44	Павловка, К.1, П.10			ЮЗ	Р	П				Г	11-12 вв.	12 в.
45	Павловка, К.2, П.2			З	Р	Н		3		К		12(-14)
46	Паркань, 25.1898/203			ЮЗ		А					13-14 вв.	13-14
47	Паркань, 37.1897			ССЗ		А						13-14
48	Паркань, 40.1897	О				Н						13-14
49	Паркань, 6.1900	О		З		П						12
50	Паркань, 85.1899/258	О		З		А			У	П/		13-14
51	Петродолинское, К.3, П.5					А			У			12-14
52	Плавни, К.12, П.4			З	Ч	П		1		П/	10-12 вв.	11 в.
53	Плавни, К.8, П.1			З	Р	П	2-3	3			12-13 вв.	12 в.
54	Плоское, 15.1902	О		З		А			У	П/	13-14 вв.	13-14
55	Приморское, К.1, П.6 («кенотаф»)			СЗ?	Р	П	2	3			10-11 вв.	11 в.
56	Пробота, П.7	Г?	М	СЗ	С		2	2		/П	11 в.	11 в.
57	Рэкэций Ной, К.1, П.1			ЮЗ	Р	П	1	2		/П		10-11
58	Сэиць, К.5, П.12		Р	ЮЗ	С	А	2	2				10-11
59	Сэиць, К.6, П.5			СЗ	Р	А	2	3				12-14
60	Сарата, К.1	О		З		А				Г		12-14
61	Сарата, К.10			З		П				Г		12 в.
62	Сербка, 181.1899/359, П.1			З	Ч	А		1			10-11 вв.	10-11
63	Суворово, К.2, П.1			З	Р	А		3			к. 12 в.	к. 12 в.
64	Сукля, 139.1899/317	О		С		А						13-14
65	Сукля, 153.1888/331			СЗ	Р	А	2?	3	2У	Г	13-14 вв.	13-14
66	Сукля, 156.1899/334	О		СЗ		Н/А			2У	Г	13-14 вв.	13-14
67	Тараклия, К.19, П.1		М	З	С	А	2	2		/П	10-11 вв.	10-11
68	Тараклия, К.2, П.3		М?	З	Р	Н/А	1	3	У	/П		12 в.
69	Терновка, 117.1899/295			СЗ		А			У		11-12 вв.	12 в.

70	Траповка, К.1, П.2			Юг		Н/Λ					13 в.	13 в.
71	Тузлы, курган		Р	З	Р	П		3			н. 11 в.	н. 11 в.
72	Флориновское	Г		З							12 в.	12 в.
73	Фрикацей, К.1, П.1			ЮЗЗ	Р	Н/Λ	2	3		П/	13-14 вв.	13-14
74	Фрикацей, К.4, П.13			СЗЗ		П					10-12 вв.	10-12
75	Фрикацей, К.5, П.2			ЮЗ	Р	Λ	2	3			11-12 вв.	12 в.
76	Хлиная, К.1, П.1			З	Р	Λ	2	3				12-14
77	Холмское, К.7, П.1	О?				Λ	2-3	3	У		13-14 вв.	13-14
78	Холмское, К.13, П.1				Р	Λ		3	У			12-14
79	Чобурчи, 167.1899/348			С	Р	Λ		3				13-14
80	Шалвирий Ной, К.6, П.11			СЗЗ	С		3	3		П/П	12-13 вв.	12-13
81	Шевченково, К.2, П.6			З	Р	Λ	2	3				12-14
82	Штефан-Водэ, К.1, П.1			З	Р	Λ	2	3		П/П	12-13 вв.	12-13
83	Штефан-Водэ, К.1, П.1а			З	Р	Λ	2	3		П/П	12-13 вв.	12-13

Таблица 1а. Хронологическое распределение погребений (по результатам итогового датирования).

Table 1a. The chronological differentiation of the burials (according to the final results of Dating).

10-11 вв.	11 в.	10-12 вв.	11-12 вв.	12 в.	12-13 вв.	12-14 вв.	13 в.	13-14 вв.	10-14 вв.
13	15	3		21	3	8	2	16	2

Таблица 2. Инвентарь из погребений.

Table 2. Inventory from the burials.

Показатели количества погребений с инвентарем								
	Первая группа		Вторая группа		Третья группа		Вся выборка (83 погребения)	
	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
удила	6	67%	4	27%	19	54%	40	48%
керамика	2	22%	1	7%	3	9%	8	10%
стремена	2	22%	1	7%	9	26%	19	23%
нож	2	22%	4	27%	7	20%	21	25%
наконечники стрел	1	11%	3	20%	9	26%	18	22%
наконечники копья			1	7%	3	9%	5	6%
сабля					4	11%	7	8%
кинжал	2	22%			2	6%	5	6%
накладки от лука			3	20%	4	11%	7	8%
кресало			5	33%	4	11%	8	10%
кремень			3	20%	4	11%	7	8%
серьги			4	27%	8	23%	15	18%
пряжки			6	40%	9	26%	18	22%
бубенчики	1	11%	2	13%	5	14%	8	10%
бляшки			1	7%	4	11%	5	6%
бусины			1	7%	4	11%	6	7%
браслеты					1	3%	4	5%

пуговицы					1	3%	2	2%
подвески					1	3%	1	1%
кольчуга (фрагменты)					1	3%	2	2%
колчан			2	13%	3	9%	8	10%
ножницы			1	7%	2	6%	4	5%
пряслице					2	6%	2	2%
металлический сосуд					3	9%	3	4%
замок					1	3%	1	1%
монеты					1	3%	3	4%
подкова	1	11%					1	1%
топор	1	11%					1	1%
перстень							1	1%
зеркало					2	6%	3	4%

Библиография

- Agadzhanov 1969:** S.G. Agadzhanov, Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii IX-XIII vv. (Ashkhabad 1969) // С.Г. Агаджанов, Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. (Ашхабад 1969).
- Agul'nikov, Ursu 2006:** S. Agul'nikov, I. Ursu, Complexe funerare tumulare din zona Prutului Inferior. RA IV, 1, 2006, 61-79.
- Atavin 1984: A.G. Atavin, Nekotorye osobennosti zakhoroneni chuchel konei v kochevnicheskikh pogrebeniakh XIV vv. SA 1, 1984, 134-143 // А.Г. Атавин, Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях XIV вв. СА 1, 1984, 134-143.
- Balint 1972:** Ch. Balint, Pogrebeniia s koniami u vengrov v IX-X vv. In: Problemy arheologii i drevnei istorii ugrov (Moskva 1972), 176-188 // Ч. Балинт, Погребения с конями у венгров в IX-X вв. В сб.: Проблемы археологии и древней истории угров (Москва 1972), 176-188.
- Bubulich 1992:** Bubulich V.G. Otchet o polevyh issledovaniakh Prutskoi novostroechnoi ekspeditsii u ss. Rumiantsevo i Doina Kantemirskogo raiona v 1991 g. Arkhiv NMIM, nr. 334 (Kishinev 1992) // Бубулич В.Г. Отчет о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемирского района в 1991 г. Архив НМИМ, № 334 (Кишинев 1992).
- Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989:** G.F. Chebotarenko, E.V. Iarovoi, N.P. Tel'nov, Kurgany Budzhakskoi stepi (Kishinev 1989) // Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи (Кишинев 1989).
- Dergachev 1980:** V.I. Dergachev, Otchet ob arheologicheskikh issledovaniakh Ialpuskoi novostroechnoi ekspeditsii u pgt Tarakliia Chadur-Lungskogo r-na v 1979 g. Arkhiv NMIM, nr. 143 (Kishinev, 1980) // В.И. Дергачев, Отчет об археологических исследованиях Ялпугской новостроечной экспедиции у пгт Тараклия Чадыр-Лунгского р-на в 1979 г. Архив НМИМ, nr. 143 (Кишинёв, 1980).
- Dergachev, Sava 2001-2002:** V.A. Dergachev, E.N. Sava, Issledovaniia kurganov v okrestnostiakh sel Mereni i Kirka. Stratum plus 2, 2001-2002, 526-562 // В.А. Дергачев, Е.Н. Сава, Исследования курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка. Stratum plus 2, 2001-2002, 526-562.
- Dobroliubskii 1978:** A.O. Dobroliubskii, O rekonstruktsii sotsial'noi struktury obshchestva kochevnikov srednevekov'ia po dannym pogrebal'nogo obriada. In: Arkheologicheskie issledovaniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1978), 107-119 // А.О. Добролюбский, О реконструкции социальной структуры общества кочевников средневековья по данным погребального обряда. В сб.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья (Киев 1978), 107-119.
- Dobroliubskii 1981:** A.O. Dobroliubskii, Pogrebenie kochevnika u s. Plavni. In: Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1981), 131-134 // А.О. Добролюбский, Погребение кочевника у с. Плавни. В сб.: Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 131-134.
- Dobroliubskii, Dzigovskii 1981:** A.O. Dobroliubskii, A.N. Dzigovskii, Pamiatniki kochevnikov IX-XIV vv. na zapade prichernomorskikh stepi (materialy k arheologicheskoi karte). In: Pamiatniki drevnikh kul'tur Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1981), 134-144 // А.О. Добролюбский, А.Н. Дзиговский, Памятники кочев-

ников IX-XIV вв. на западе причерноморских степей (материалы к археологической карте). В сб.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 134-144.

Dobroliubs'kii, Stoliarik 1983: A.O. Dobroliubs'kii, O.S. Stoliarik, Vizantiis'ki moneti v kochivnits'komu pokhovanni XII st. v mizhrichchi Dnistra ta Dunaiu. Arkheologiiia 4, 1983, 71-75 // А.О. Добролюбський, О.С. Столярик, Візантійські монети в кочівницькому похованні XII ст. в міжріччі Дністра та Дунаю. Археологія 4, 1983, 71-75.

Dobroliubskii 1986: A.O. Dobroliubskii, Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v epokhu srednevekov'ia (Kiev 1986) // А.О. Добролюбський, Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья (Киев 1986).

Fedorov-Davydov 1966: G.A. Fedorov-Davydov, Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov (Moskva 1966) // Г.А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Москва 1966).

Garustovich, Ivanov 2001: G.N. Garustovich, V.A. Ivanov, Oguzy i pechenegi v evraziiskikh stepiakh (Ufa 2001) // Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов, Огузы и печенегі в евразийских степях (Уфа 2001).

Iarovoi 1985: E.V. Iarovoi, Otchet o polevykh issledovaniiah Nizhneprutskoi novostroechnoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1984 g. Arkhiv NMIM, nr. 215 (Kishinev 1985) // Е.В. Яровой, Отчет о полевых исследованиях Нижнепрутской новостроечной археологической экспедиции в 1984 г. Архив НМИМ, nr. 215 (Кишинев 1985).

Ivanov 2000: V.A. Ivanov, Zavolzhskaia Pechenegiia. In: Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (Moskva 2000), 272-282 // В.А. Иванов, Заволжская Печенегиа. В кн.: История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Ранний железный век и средневековье (Москва 2000), 272-282.

Ivanov 2014: V.A. Ivanov, Pogrebal'nyi obriad srednevekovykh kochevnikov evropeisko-aziatskogo pogranich'ia kak etnomarkiruiushchii priznak i sviazuiushchee zveno v kul'turogeneze srednevekovykh kochevnikov Vostochnoi Evropy. In: Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Ufa 2014), 118-170 // В.А. Иванов, Погребальный обряд средневековых кочевников европейско-азиатского пограничья как этномаркирующий признак и связующее звено в культурогенезе средневековых кочевников Восточной Европы. В кн.: Средневековые кочевники на границе Европы и Азии (Уфа 2014), 118-170.

Ivanov, Garustovich, Pilipchuk 2014: V.A. Ivanov, G.N. Garustovich, Ia.V. Pilipchuk, Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Ufa 2014) // В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович, Я.В. Пилипчук, Средневековые кочевники на границе Европы и Азии (Уфа 2014).

Knauer 1890: F.I. Knauer, Vtoraia arkheologicheskaiia raskopka okolo sela Saraty (v Iuzhnoi Bessarabii). ChIONL, kn. 4 (Kiev 1890), 30-41 // Ф.И. Кнауэр, Вторая археологическая раскопка около села Сараты (в Южной Бессарабии). ЧИОНЛ, кн. 4 (Киев 1890), 30-41.

Kononov 1958: A.N. Kononov, Rodoslovnaia turkmen: Sochinenie Abu-l-Gazi khana khivinskogo (Moskva-Leningrad 1958) // А.Н. Кононов, Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского (Москва-Ленинград 1958).

Kruglov 2001: E. V. Kruglov, Pogrebal'nyi obriad oguzov Severnogo Priskaspiia 2-i pol. IX – 1-i pol. XI v. Stepі Evropy v epokhu srednevekov'ia, T.2 (Donetsk 2001), 395-446 // Е. В. Круглов, Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. Степи Европы в эпоху средневековья, Т.2 (Донецк 2001), 395-446.

Kruglov 2003: E.V. Kruglov, Pechenegi i oguzy: nekotorye problemy arkheologicheskikh istochnikov. Stepі Evropy v epokhu srednevekov'ia, T.3 (Donetsk 2003), 13-82 // Е.В. Круглов, Печенегі и огузы: некоторые проблемы археологических источников. Степи Европы в эпоху средневековья, Т.3 (Донецк 2003), 13-82.

Kurchatov 1990: S.I. Kurchatov, Otchet o polevykh issledovaniiah bliz s. Shal'viry v 1990 g. (gotovitsia) // С.И. Курчатов, Отчет о полевых исследованиях близ с. Шальвиры в 1990 г. (готовится).

Masson 1976: V.M. Masson, Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (v svete dannykh arkheologii) (Leningrad 1976) // В.М. Массон, Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии) (Ленинград 1976).

Matiushko 2016: I.V. Matiushko, Pamiatniki IX-XIV vv. Stepnogo Priural'ia (Moskva-Berlin 2016) // И.В. Матюшко, Памятники IX-XIV вв. Степного Приуралья (Москва-Берлин 2016).

Oboldueva 1955: T.G. Oboldueva, Kurgan epokhi bronzy na r. Kogil'nik. Izvestiia Moldavskogo filiala AN SSSR 5 (25) (Kishinev 1955), 31-48 // Т.Г. Оболдуева, Курган эпохи бронзы на р. Когильник. Известия Молдавского филиала АН СССР 5 (25) (Кишинев 1955), 31-48.

OIAK 1893: Otchet imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1890 g. (Sankt-Peterburg 1893) // Отчет императорской археологической комиссии за 1890 г. (Санкт-Петербург 1893).

Pilipchuk 2014: V.Ia. Pilipchuk, Etnopoliticheskaia istoriia srednevekovykh kochevnikov stepnoi Evrazii v IX-XIV vv. In: Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Ufa 2014), 235-283 // В.Я. Пилипчук, Этнополитическая история средневековых кочевников степной Евразии в IX-XIV вв. В кн.: Средневековые кочевники на границе Европы и Азии (Уфа 2014), 235-283.

Pletneva 1958: S.A. Pletneva, Pechenegi, torki i polovtsy v iuzhnorusskikh stepiakh. MIA 62, T.1 (Moskva 1958), 151-226 // С.А. Плетнева, Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА 62, Т.1 (Москва 1958), 151-226.

Pletneva 1981: S.A. Pletneva, Kochevniki vostochnoevropskikh stepei v X-XIII vv. In: Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Moskva 1981), 213-222 // С.А. Плетнева, Кочевники восточноевропейских степей в X-XIII вв. В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья (Москва 1981), 213-222.

Pletneva 1990: S.A. Pletneva, Pechenegi i guzy na Nizhnem Donu (po materialam kochevnicheskogo mogil'nika Sarkela-Beloi Vezhi) (Moskva 1990) // С.А. Плетнева, Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника Саркела-Белой Вежи) (Москва 1990).

Pletneva 2003: S.A. Pletneva, Kochevniki iuzhnorusskikh stepei v epokhu srednevekov'ia (Voronezh 2003) // С.А. Плетнева, Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (Воронеж 2003).

Sinika, Razumov, Tel'nov 2013: V.S. Sinika, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, Kurgany u sela Butory (Tiraspol' 2013) // В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Курганы у села Бутор (Тирасполь 2013).

Spinei 1985: V. Spinei, Realități etnice și politice în Moldova meridională în secolele X-XIII: români și turanici (Iași 1985).

Zaharia, Zaharia 1962: Em. Zaharia, N. Zaharia, Sondajul de salvare din necropola de la Probotă (r. și reg. Iași). MCA 8, 1962, 599-608.

Zakharuk 1949: Iu. Zakharuk, Razkopki kolo s. Nerubais'ke pid Odesoiu (Usativs'ka ekspeditsiia Institutu arkheologii AN URSS 1946 r.). Arkheologichni pam'iatki URSS, T.1 (Київ 1949), 138-144 // Ю. Захарук, Разкопки коло с. Нерубайське під Одесою (Усатівська експедиція Інституту археології АН УРСР 1946 р.). Археологічні пам'ятки УРСР, Т.1 (Київ 1949), 138-144.

Виталий Железний, научный сотрудник, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия, Академия Наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Молдова, e-mail: jelezniivitalii@mail.ru